

Botkin, Vasilii Petrovich.

СОЧИНЕНІЯ

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА

БОТКИНА.

ТОМЪ I.

Путешествія.

У. 1. 18612

Изданіе журнала „Пантеонъ Литературы“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Лебедева, Невскій просп., д. № 8.

1890.

891.78

B75

1890a

v.1

O.P. 18612

F203-370030

891.7/365

I

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 января 1890 г.

274748

I.

Русскій въ Парижѣ.

1835.

(Изъ путевыхъ записокъ).

Давно собираюсь я писать къ вамъ о Парижѣ. Сколько разъ брался я за перо, съ намѣреніемъ сказать что-нибудь о картинѣ Парижа, о знаменитомъ его Пале-Роялѣ, о его веселыхъ бульварахъ; и всякій разъ, когда принимаюсь за перо, каждый изъ этихъ предметовъ влечетъ за собой столько воспоминаній. Эти кривныя, запачканныя улицы Парижа имѣютъ на себѣ такъ много великихъ, вѣковыхъ слѣдовъ, что въ головѣ подымается цѣлый хаосъ событій. Во Франціи настоящее такъ тѣсно слито съ сорокалѣтними событіями, что даже одно названіе улицъ Парижа приведетъ васъ въ недоумѣніе, если станете читать надписи ихъ; не зная исторіи Парижа. Вся исторія Франціи девятнадцатаго столѣтія сосредоточена здѣсь. Такъ, начиная говорить о Пале-Роялѣ, невольно думаю я о томъ времени, когда Камилль-Демулень, заткнувъ себѣ въ шляпу вѣтку липы, заговорилъ народу на широкомъ дворѣ его; стулъ, на который сталъ онъ тогда, былъ родоначальникомъ трибуны. И потомъ воображаю я балъ, блестящій, въ іюлѣ 1830 г., въ этомъ дворцѣ, балъ свѣтлый, беззаботный, и мрачную толпу народа, глухо волнующуюся передъ окнами дворца и раздражающуюся въ дикій напѣвъ національной пѣсни, заглушившей оркестръ, смутившей ясные лица веселыхъ гостей. А сколько грустныхъ и шибетъ важнѣйшихъ мыслей возбуждаетъ эта обширная площадь, обставленная прекрасными зданіями, съ которой такъ красуется величественная палата депутатовъ и мостъ съ колоссальными статуями знаменитыхъ людей старой Франціи; сколько крови разбрызгано по ней, сколько нѣмыхъ раскаяній вѣкогда привала она,

увѣнчанная гильотиною! Парижъ надувалъ нашихъ добрыхъ стариковъ, прикидывался гулякомъ, беззаботнымъ весельчакомъ; смотря въ тусклые очки, старики наши не замѣчали подъ наудренными нарискомъ краснаго колпака, не разглядѣли лица, скрытаго подъ маскою. Теперь Парижъ ходитъ съ открытымъ лицомъ, и если еще шутливъ и веселъ, то только изъ добродушія. Однакожъ, я постараюсь сбросить съ себя тяжесть минувшаго: можетъ быть, мнѣ удастся дать вамъ нѣкоторое понятіе о Парижѣ, если поведу васъ на бульвары, кругомъ опоясывающіе его: тамъ онъ чистъ и свѣжъ. Ступайте по этимъ бульварамъ въ лѣтній вечеръ; что это за прелесть! Подъ густыми, высокими вязами, отбѣняющими обѣ стороны улицы, безконечною, свѣтлою цѣпью тянутся магазины, лавки, кофейни, ресторація, театры; и все это полно народомъ, кипитъ жизнью. Зелень, освѣщенная яркимъ газомъ, переливается какими-то серебристыми отливами; мѣстами цѣпь магазиновъ и кофейныхъ прерывается, но прелесть картины увеличивается тогда: въ этой тѣни все веселѣе, смѣхъ громче, остроты волюнѣе, это придаетъ колориту картины еще больше жизни. Подите на загородные балы Париза, посмотрите на это милое, умное веселье, посмотрите на благопрістойность тамъ царствующую, посмотрите, какъ работники веселятся съ своими гризетками. Или подѣмте въ ясный, теплый воскресный день въ завѣтныя Елисейскія-Поля: тамъ подъ высокими вязами настроено множество лавочекъ, лавокъ, комедій. Сколько артистовъ показываютъ искусство свое на чистомъ воздухѣ: барабанъ, скамейка, столъ, принадлежности бродячаго генія. Около насъ оркестры, танцы, фигляры. Здѣсь рыцарь мелкой промышленности вооружился огромными вѣсами: не угодно-ли вамъ узнать, сколько въ васъ пудъ? Возлѣ него другой предлагаетъ вамъ пробовать силу руки вашей. А вотъ лотерея, страсть парижанъ: въ одной разыгрываются пряники, въ другой картинки, въ той стаканы, рюмки, бутылки, все, что пригодно для домашняго обихода; можете выиграть въ лотерею, заплатя бездѣлицу—одно или два су. Вотъ стрѣльба въ цѣль изъ ружей и пистолетовъ; а тотъ добылъ толстую доску, пробилъ въ ней дыръ съ большое яблоко, сзади вставилъ стекла, и предлагаетъ вамъ деревяннымъ шаромъ разбивать ихъ. Вотъ физическіе и химическіе опыты: «тутъ, возвѣщаетъ химикъ, можете вы въ нѣсколько минутъ постигнуть всѣ таинства природы, и все это только за два су!» Вотъ академія собакъ, и учевый членъ ея говоритъ длинную рѣчь о трудности, системѣ и пользѣ образованія собакъ; а вотъ цѣніе, скрипка и

бубень: трое артистовъ поютъ куплеты изъ новыхъ водевилей, романсовъ и даже изъ оперъ. Тамъ дорожная дама показываетъ образованность удава, обвиняетъ его около шен, беретъ въ ротъ его голову и рекомендуетъ, что онъ по своему уму годится въ любые министры. Подойдемте къ этой толпѣ—что тутъ? Человѣкъ съ рыжими усами, въ изношенномъ сюртукѣ, съ огромною медалью, стоитъ на столѣ; возлѣ него на стулѣ лежитъ ящикъ съ пакетцами и скляночками. Рекомендую вамъ: это зубной докторъ. Въ длинной рѣчи повѣствуетъ онъ о своихъ всемирныхъ путешествіяхъ и открытіяхъ на пользу зубовъ человѣчества. Этотъ порошокъ вывезъ онъ изъ южной Америки; онъ имѣетъ свойство исцѣлять самую жестокую зубную боль, предохранять зубы отъ гніенія; эликсиръ въ скляночкахъ ихъ крѣпитъ и дѣлаетъ бѣлыми, отъ прикосновенія порошка этого никакой червякъ не усидитъ въ зубу. Не вѣрите? погодите. Пышную рѣчь свою докторъ оканчиваетъ словами: «Messieurs et mesdames, спѣшите исцѣлять зубы свои! Нѣтъ-ли у кого больного зуба? Вы на опытѣ увидите искусство мое, исцѣленіе будетъ не на часъ, а на цѣлую жизнь!»—Всѣ молчатъ. Вотъ выходитъ изъ толпы мальчакъ лѣтъ тринадцатилѣтній, онъ давно страдаетъ зубами. Докторъ, съ приличною важностію осмотрѣвши ротъ его, кладетъ на больной зубъ порошокъ свой.—«Сожмите ротъ и садитесь». Снова распространяется докторъ о чудныхъ дѣйствіяхъ порошка. — «Покажите мнѣ зубъ! — Messieurs et mesdames, смотрите, какъ ползетъ червякъ изъ зуба: онъ не спесъ сокрушительнаго дѣйствія порошка моего». — И въ самомъ дѣлѣ вынимаетъ червяка изо-рта бѣднаго малаго. Кто же послѣ такого опыта не повѣритъ искусству доктора! Посмотрите, сколько тянется къ нему рукъ за зубными его порошками. А между тѣмъ ужъ и вечеръ: вездѣ блестятъ огни, все весело: это прежніе французы, безъ политикѣ и революціи; это все еще воденилы, полный жизни и народныхъ типовъ, но въ которомъ, если вы пристально взглянете, уже проглядываетъ важное лицо драмы и игривые куплеты оканчиваются задумчивою мечтою о будущности общественной. Пойдемте по Парижу, посмотрите, какаѣ во всемъ жизнь, пріемлемость впечатлѣній, понятій. Французъ умереть безъ публичныхъ мѣстъ своихъ: посмотрите на тѣ тысячи кофейныхъ, онѣ всѣ полны; тамъ увидите вы семейства цѣлыя, женщинъ, дѣтей. Парижанинъ мало живетъ дома: ему необходимо это множество литературныхъ кабинетовъ, кофейныхъ, ресторацій. Ступайте въ Пале-Рояль, подъ прохладную тѣнь липъ и кашта-

новъ, тамъ во всякое время найдете вы сотни людей за журна-
лами. Смищенная, мелкая промышленность построила тутъ нѣ-
сколько избушекъ, запаслась журналисткой Парижа, накупила
стульевъ, и за два су предлагаетъ вамъ то и другое. Но я въ
жаркій день лучше люблю рошу Тюльера; тамъ блескъ и шумъ
Парижа исчезаетъ, взоръ встрѣчаетъ только темную зелень газонъ.
народу мало, тихо; тамъ любилъ я въ знойный полдень читать
остроумнаго «Корсера» и «Шаривари». Посмотрите общественныя
заведенія Парижа: въ Парижѣ все публично, все открыто. Тогда
какъ въ Лондонѣ англичанинъ съ угрюмымъ, холоднымъ лицомъ
требуетъ съ васъ шиллингъ за взглядъ на всякую бездѣлицу, при-
надлежащую государству, французъ съ радостію отворяетъ вамъ
двери, узнавши, что вы иностранецъ; онъ гордъ и доволенъ тѣмъ,
что вы пріѣхали посмотрѣть на его «belle France». Ступайте въ
какое хотите общественное заведеніе: съ васъ не потребуютъ ни
одного су. А эти курсы наукъ, открытыя для всякаго, эти тысячи
средствъ научиться, образоваться, узнать, что и какъ дѣлается на
этомъ свѣтѣ!.. Скажите, дивитесь-ли послѣ того разливу идей въ
массѣ парижскаго народа, этому юности, преданному идеямъ
отвлеченнымъ, стремящемуся въ дѣйствительности проявить фанта-
стическія мечты свои?—Нѣтъ, вы ничему не подивитесь, смотри-
какъ жадно читаетъ эта толпа, какъ алчно пожираетъ все, что
выбрасываетъ ей типографія. Парижъ — это жизнь народа, тре-
пещущая всѣми своими нервами, прорывающаяся изъ каждого от-
верстія своего; но этихъ отверстій ей недостаточно, и она рабо-
таетъ, рвется, борется, отыскивая себѣ новыя; это юность, кипу-
чая, страстная, бѣшеная, увлекающаяся, вся преданная первому
впечатлѣнію... Нѣтъ, я не промѣняю этихъ кривыхъ, запачкан-
ныхъ улицъ, этихъ разноцвѣтныхъ, закопченныхъ порохоми домовъ,
устьевныхъ балконами, на опрятный, просторный Лондонъ, съ его
угрюмою, дѣловою физиономіею и разсудительнымъ народомъ!

Погруженные въ безмѣрную коммерческую дѣятельность, обя-
занные работать ежеминутно, или преданные позорной праздности,
размежеванные по количеству богатства, подверженные самовла-
стію господствующей церкви, или слѣдующіе мелочнымъ и тѣснымъ
правиламъ множества разнородныхъ сектъ, англичане мало ощу-
щаютъ потребности въ идеяхъ общихъ. Каждый англичанинъ су-
щество сложное: религія лежитъ у него на одной сторонѣ, поли-
тическія мнѣнія — на другой, правила нравственности и поведенія —
на третьей. Заговорите съ англичаниномъ о религіи: онъ неохотно

станетъ отвѣчать вамъ. Его правила вѣрнѣ рѣшены съ дѣтства, и онъ крѣпко держится за нихъ. Можетъ быть онъ и атеистъ въ глубинѣ души, но по привычкѣ, по какому-то чувству почтенія къ всемогущему вліянію, какое воспитаніе и нравы цѣлаго народа имѣютъ на отдѣльнаго члена общества, онъ притворится, или станетъ молчать. Онъ не чувствуетъ связи, соединяющей идеи религіозныя съ политическими. Въ этомъ народѣ чего-то не достаетъ. Его построеніе велико, огромно, но темно. Не таковъ французъ, не такова Франція, страна жизни бушующей, съ страстями и мнѣніями напряженными, которая кажется, чѣмъ больше тратитъ себя въ отчаянныхъ схваткахъ своихъ съ понятіями и предрассудками вѣковъ, тѣмъ больше снова вбираетъ въ себя жизни и снова бьетъ и кипитъ пѣною страстей и мыслей. Какой городъ, кромѣ Парижа, представляетъ вамъ больше жизни, идей, сектъ, мнѣній, этого стремленія проявить ихъ въ дѣйствительности, стремленія, выражающаго преимущественно характеръ Франціи! Давно-ли видѣли мы, какъ ученіе политической экономіи преобразовалось въ религію, изрекавшую обществу новыя законы нравственности и гражданственности; давно-ли видѣли, какъ сектаторы публично, съ увлекательнымъ энтузіазмомъ, проповѣдывали свое ученіе, безденежно раздавали свои книги и журналы и тѣснѣйшимъ правительствомъ избрали страну, которой не коснулась еще европейская цивилизація, и отправились сѣять ученіе свое на дѣйственной почвѣ ея? А эта фантастическая странность костюмовъ Парижа, эти прихоти самаго разстроеннаго и мечтательнаго воображенія, всѣ на яву въ лицахъ, этотъ хаосъ мнѣній, партій, сектъ, надеждъ, опасеній... прислушайтесь къ шуму его, у васъ закружится голова, оступѣтъ умъ, не достанетъ воображенія. Въ Германіи разлито и болѣе идей; но она спокойна; для нея идеи покуда существа отвлеченныя, принадлежація только книгамъ; о приложеніи ихъ къ быту общественному тамъ покуда не думаютъ. Далеко еще не разрѣшила Франція вопросы ее обременяющіе; она исполнена сѣмянъ растенія огромнаго: Богу извѣстно, когда возрастетъ оно! — Пріѣзжайте въ Парижъ, какъ человѣкъ, желающій только пожить весело, бросить нѣсколько тысячъ рублей на его удовольствія и забавы, и вы уйдете изъ Парижа, имѣя о немъ самое ложное понятіе. Тогда вы будете похожи на стариковъ нашихъ, которые толковали намъ о забавахъ Парижа, не обращая вниманія на внутреннюю жизнь его. Парижъ обманчивъ для поверхностнаго наблюденія. Видали-ли вы русскаго человѣка, у котораго въ раз-

гульную минуту становится послѣдняя конѣвка ребромъ, душа дешовле гроша, а черезъ часъ послѣ онъ удивляется васъ самою тонкою расчетливостію, хладнокровіемъ, скупостію на необходимыя удобства жизни. Парижъ тоже нѣтъ эти противоположныя стороны. Онъ веселъ, разгуленъ, беззаботенъ, если хотите, во прѣмъ ему; иногда для него вся политика заключается въ модной идеѣ общественной; онъ, словно за женщиной, волочится за нею, лѣстить ей, дерется за нее, и послѣ бросается за другою. Парижъ иногда надѣется вамъ своими издѣливыми новостями, пуститъ болтовство, странною поверхностностію; но не снѣшите изречь ему приговоръ, взгляните пристальнѣе. Парижъ шалитъ по добродушію, потому что увѣренъ въ себя: это Генрихъ IV, дающій ѣздить дѣтямъ на спинѣ своей; это Гѣте, который фанфаронитъ въ гостиной. Для того, чтобъ понять Парижъ, надобно намъ, людямъ Сѣвера, медленными, хладнокровными, привыкшими и думать и говорить: «время не ушло еще» — намъ, которыхъ торопятъ жить только отдаленный гулъ движенія европейскаго — надобно запастись особенною дѣятельностію души. Тамъ прости наше *dolce far niente*! Парижъ охватитъ васъ своими бурными стихіями, втянетъ въ свой гражданскій омутъ; держитесь крѣпко: вы закружитесь; запаситесь дѣятельностію души и ума; васъ окружаютъ мнѣнія страстныя, страсти метафизическія, васъ увлекутъ стануть сотни партій, къ вамъ приставетъ статья каждаго журнала, не отвѣжется до тѣхъ поръ, пока вы не опредѣлите ея значенія; васъ взмутитъ откровенное, громкое слово ума и страстей, вы услышите яственно шелестъ крыльевъ всемогущей современности, около васъ заструится эфиръ девятнадцатаго вѣка; не дремлите: мимо васъ полетятъ имена, идеи, мнѣнія, знаменитости; если вы проспали вчера, для васъ непонятно будетъ завтра. Франція и Парижъ мучатся, безсознательно очищающіе себя для будущаго; чтобъ понять ихъ, надобно вамъ самымъ измучиться. Тяжко лежишь ты, таинственное будущее, надъ скептическимъ Парижемъ. Парижъ не вѣритъ ни во что и ничему. Страшное состояніе! Разрушить старое и не мочь ничего создать новаго! Смотрѣть на однѣ развалины, развалины и развалины! Чувствовать потребность вѣрить, и не находить, во что вѣрить! — Не дивитесь ужасному множеству самоубійствъ, случающихся въ Парижѣ: это непремѣнное слѣдствіе ужаснаго состоянія его. Парижъ стоитъ на рубежѣ между прошедшимъ и будущимъ, между вѣрою и безвѣріемъ, смотритъ съ тоскливою задумчивостію впередъ, не зная, утро ли теперь или уже вечеръ настоящей граж-

данственности? Грустно видѣть, какъ этотъ скептицизмъ, которымъ дышетъ Парижъ, овладѣваетъ и могучими организаціями, талантами гениальными. Прочтите послѣднія сочиненія Гюго, выкиньте въ эту душу, размученную окружающими ее развалинами, сомнѣніемъ во всемъ: вы поймете тяжкое состояніе современной Франціи. Къ слову о Гюго; я расскажу вамъ о моемъ свиданіи съ нимъ. Уже слишкомъ мѣсяцъ жилъ я въ Парижѣ, и мнѣ не удалось еще видѣть ни одного изъ извѣстныхъ писателей. Дома уѣзжалъ осматривать берега Средиземнаго моря, Бальзакъ въ Австрію, Ламартина и де-Виньи не было въ Парижѣ; тутъ оставался только Викторъ Гюго. Но что за вѣсти рассказывали о немъ! На литературномъ вечерѣ у ***, люди, повидимому, образованные и занимающіеся литературою, увѣрили меня, что Гюго помѣшался, не выходитъ изъ комнаты, не принимаетъ никого къ себѣ. Общее мнѣніе всего литературнаго круга, собиравшагося у ***, было то, что Гюго писатель съ нѣкоторымъ дарованіемъ, но уклонившійся въ дурную сторону и теперь уже потерявшій всякое вліяніе на современную литературу. Тутъ-же, я помню, одинъ прекрасно разодѣтый молодой поэтъ съ жаромъ доказывалъ, что «Notre-Dame de Paris» можетъ являться однимъ женщиномъ, и имъ однимъ одолженъ успѣхъ своимъ. На меня, начавшаго съ глубокимъ уваженіемъ говорить о Гюго, смотрѣли, какъ на сѣвернаго варвара, спрашивающаго о предметѣ давно рѣшенномъ и нѣсколько пошломъ. Такія рѣзкія, окончательныя сужденія посыпались на вопросы мои о Гюго, что я не осмѣлился даже возражать, и замолчалъ съ грустію и недовольствомъ на душѣ. У*** собиралось аристократическое общество извѣстнѣйшихъ, свѣтскихъ литераторовъ; тутъ читались разные сонеты, посланія къ тому, къ тому... Я былъ знакомъ съ нѣсколькими молодыми людьми мнѣній противоположныхъ обществу, собиравшемуся у ***. Это были пламенные послѣдователи новыхъ идей, пылкіе энтузіасты, самоотверженные преобразователи настоящей цивилизаціи; тутъ обвиняли Гюго въ недостаткѣ положительныхъ политическихъ мнѣній, называли его поэтомъ, но поэтомъ слишкомъ матеріальнымъ; тутъ сказывали мнѣ, что Гюго ведетъ развратную жизнь, что ожесточенный критиками и ядовитыми статьями журналовъ, онъ отказался отъ своего поэтическаго призванія, впалъ въ совершенную матеріальность, забылъ даже о семействѣ своемъ, живетъ съ одною актрисою театра St.-Martin, и никого къ себѣ не принимаетъ. Что мнѣ было дѣлать? Не смотря на все это, желаніе видѣть Гюго превозмогло, и я отыскалъ въ парижскомъ все-

общемъ адресъ-календарѣ квартиру его, рѣшился по русской по-
словницѣ: «спросъ не бѣда», написать къ нему письмо, въ кото-
ромъ просилъ у него позволенія быть у него и назначить мнѣ
время. Письмо повезъ я самъ. Въ одной изъ отдаленныхъ частей
Парижа живетъ Гюго: Place Royale, № 6. Приѣзжаю, вхожу на
лѣстницу во второй этажъ, звоню, мнѣ открываетъ служанка чрез-
вычайно дурная собою. На вопросъ мой, дома-ли Гюго, она самымъ
гнусливымъ, едва понятнымъ голосомъ отвѣчаетъ, что Гюго нѣтъ,
а что онъ будетъ дома въ седьмомъ часу. Я отдалъ ей письмо.
прося передать Гюго. Въ этотъ день на театрѣ St.-Martin давали
«Marie Tudor»; я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи видѣти
ее, и не поѣхалъ вечеромъ къ Гюго. На другой день послѣ обѣда,
въ восьмомъ часу, порядочно приодѣвшись, взялъ я кабріолетъ и
съ трепещущимъ сердцемъ проговорилъ кучеру: «Place Royale, № 6».
Приѣзжаю. Знакомая безобразная служанка, отворившая мнѣ дверь,
говоритъ, что Гюго обѣдаетъ. Опять неудача. Спрашиваютъ, какъ
сказать обо мнѣ?—Русскій путешественникъ.—Жду. Не прошло
минуты, входитъ въ переднюю человекъ невысокаго роста, съ
полнымъ, здоровымъ лицомъ, волосами почти бѣлокурыми, лежа-
щими просто. Онъ сталъ извиняться, просить меня войти въ гос-
тинную и подождать, пока кончится обѣдъ. «Monsieur Hugo»? про-
бормоталъ я—и уставился на него. За нѣсколько дней ходилъ я
съ «Notre-Dame de Paris» въ рукѣ, на башню собора: признаюсь,
мнѣ хотѣлось отыскать какой-нибудь затерявшійся слѣдъ великой
драмы, и я еще разъ, но съ какимъ новымъ, живымъ наслажде-
ніемъ читалъ дивный романъ. Сколько разъ проникнутый огне-
выми описаніями, подходилъ я къ собору, смотрѣлъ на его угрю-
мую форму, vaste symphonie en pierre, взбирался на широкую его
платформу; тутъ Квazimodo, Эсмеральда, Фролло—вся эта драма
принимала объемъ огромный, охватывала собой все общество че-
ловѣческое, неразгаданно, мрачно кинѣла въ немъ подѣ тысячу
формъ; тогда романъ этотъ представлялся мнѣ не столько созда-
ніемъ искусства, сколько теоріею автора, взглядомъ его на жизнь—
и какою грустною, скептической теоріею! Еще полный впечатлѣ-
ній «Notre-Dame de Paris», увидалъ я передъ собою Гюго, и вы
поймете причину, отчего я уставился на него съ глупымъ любо-
пытствомъ, рассматривая это полное, свѣжее лицо, это чело, озна-
менованное печатію гения. Смѣйтесь надо мною—но когда я уви-
дѣлъ передъ собою великій талантъ, перваго поэта современной
Франціи, неопредѣленное, доселѣ незнакомое мнѣ чувство напол-

нило меня. Долго-бъ простоялъ я молча, ослабъ Гюго, улыбнувшись, не вошелъ первый въ комнату, пригласивши меня движеніемъ головы слѣдовать за нимъ, и указалъ мнѣ дверь прямо, прося подождать тамъ. Въ комнатѣ, куда мы вошли изъ передней, за круглымъ столомъ обѣдали двѣ дамы, мужчина и двое дѣтей. Гюго проводилъ меня въ гостинную, извиняясь въ беспорядкѣ ея; тому причиною приготовленіе его къ отъѣзду: онъ завтра утромъ ѣдетъ на два мѣсяца изъ Парижа. Гюго вышелъ, дверь въ столовую затворилась, и я остался на свободѣ разсматривать жилище знаменитого писателя. Вездѣ видны были слѣды страсти къ зодчеству среднихъ временъ. На стѣнѣ висѣли прекрасные рисунки собора Антверпенскаго, отдаленнаго вида Страсбургской колокольни, видъ части Парижа съ готическою башнею St-Jaques de Boucherie, портретъ генерала въ мундирѣ временъ революціи, вѣроятно, портретъ его отца. Прямо у стѣны стоялъ диванъ съ прекрасною рѣзбою а jour, произведеніе шестнадцатаго или семнадцатаго вѣка; налѣво софа съ штофнымъ малиновымъ балдахинномъ, временъ Людовика XIII или XIV; передъ ней фортепіано. Комната вся оклеена малиновыми обоями и очень высока; дверь въ кабинетъ была открыта; кабинетъ не великъ, весь увѣшанъ картинами; на столѣ, стоящемъ посреди, много книгъ и бумагъ. Я смотрѣлъ въ кабинетъ издали, считая неучтивостью войти туда. Немного спустя, вбѣжалъ въ комнату мальчикъ лѣтъ семи; я спросилъ его, не сынъ-ли онъ Гюго? — «Oui», отвѣчалъ онъ, и началъ разбирать географическія карты Франціи. У мальчика лицо очень смышленное. Минутъ черезъ пять вошелъ Гюго, извиняясь. Сѣли. Первымъ вопросомъ его было, дозволены-ли сочиненія его въ Россіи? Потомъ интересовался онъ знать, съ какой точки смотрятъ у насъ на «Notre Dame de Paris», спрашивалъ о народнои нашей поэзіи. Я говорилъ ему о народныхъ пѣсняхъ нашихъ, старался объяснить характеръ ихъ, о бродячихъ семьяхъ нашихъ цыганъ, ихъ странномъ бытѣ. Последнее, казалось, очень занимало его. Вообще онъ даетъ Россіи высокую поэтическую будущность. Не болѣе получаса длился нашъ разговоръ, какъ вошла г-жа Гюго въ шляпкѣ и, казалось, ожидала его окончанія. Я видѣлъ, что я гость не во-время, всталъ и съ замѣшательствомъ попросилъ Гюго написать мнѣ на память свое имя. «Eh, avec un grand plaisir, M-r», отвѣчалъ онъ, вошелъ въ кабинетъ, и черезъ минуту вынесъ бумажку, на которой было написано: «Qui sperat vivit — Victor Hugo».

— «Черезъ мѣсяцъ я возвращусь и съ удовольствіемъ увижу васъ у себя; мнѣ очень интересно послушать о Россіи», сказалъ онъ мнѣ, когда я сталъ откланиваться, и проводилъ меня до дверей крыльца. Г-жа Гюго выше его ростомъ, съ прекраснымъ, выразительнымъ лицомъ. У Гюго лобъ болѣе широкій, нежели выпуклый; нижняя часть лба показалась мнѣ развитою больше верхней. Лицо очень пріятное, благородное, безъ рѣзкаго выраженія, но съ большимъ оттѣнкомъ меланхолической и задумчивости. Общій характеръ лица преимущественно матеріальный, и это чувственное выраженіе, подернутое какою-то грустію и задумчивостію, дѣлаетъ лицо Гюго однимъ изъ самыхъ необыкновенныхъ. Виктору Гюго лѣтъ тридцать-пять. Отецъ его, отличный генералъ, бралъ его еще ребенкомъ съ собой въ походы. Воображеніе поэта должно было сохранить впечатлѣнія этой кочевой, бурной, военной жизни. Воспитываясь въ Мадридѣ, онъ почерпнулъ подъ небомъ этой Испаніи, по правамъ своимъ болѣе близкой къ Африкѣ, нежели къ Европѣ, вдохновеніи, какихъ не можетъ внушить ни одна изъ странъ Европы. Этотъ народъ, еще вѣрный стариннымъ обычаямъ своимъ, эта земля природы роскошной и живописной, эта отчизна архитектуры готической, усыпанная ея величественными памятниками—все должно было энергически дѣйствовать на поэта, быстро развивать его способности... Но жизнь поэта—поэма великая; ея борьба, ея муки, ея торжества, исполнены значенія глубочайшаго и обширѣйшаго, нежели всѣ поэмы Индіи и Грековъ. Мнѣ ли разказать вамъ внутреннюю жизнь Гюго? А начатая біографія не удовлетворитъ васъ. Лучше кончить...
